

ВЕСТНИК

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Февраль

ФЕВРАЛЬ 1923 ГОД

ОПЕЧАТКА:

Книга третья „Вестника„ помечена февралем
месяцем, следует читать: февраль—март.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Исторический материализм и вопросы первобытной жизни.

Исторический материализм, как метод, обнаруживает свою силу всего ярче в тех двух крайних случаях, где исследование бывает наиболее затруднено: или фактов слишком много, и они противоречивы в своей сложности, или их мало, и они как бы расплываются в неопределенности. Первый случай представляет для нас задача исследования самой близкой современности и предвидения будущего хода развития, второй—задача познания самой далекой древности, конструирования первых начал социального бытия и мышления. И здесь и там только историко-материалистический метод способен приводить к определенным, твердо обоснованным решениям, но при одном условии: проводить его неуклонно, до конца последовательно.

Ни с каким компромиссом и эклектизмом он, по самой природе своей, не мирится; их примесь отнимает его основную силу, как это сделала бы с естественно-научным методом, напр., примесь религиозного подхода и истолкования.

Это прежде всего надо иметь в виду при решении вопросов, нас теперь занимающих: о первобытной экономике и первобытной идеологии.

Индивидуализм или коммунизм, или какая-нибудь их комбинация?—так ставится первый из этих вопросов.

Со стороны фактов положение здесь таково. В настоящее время первобытного человека в природе нет. Самые отсталые из нынешних дикарей имеют за собой столь же длинный путь в прошлом, как и самые передовые культурные народы, если считать веками,—вероятно,

еще более длинный, если считать поколениями ¹⁾; для многих из дикарей есть вполне объективные основания предполагать и прямую деградацию с более высоких ступеней, от которых остаются различные пережитки. От эпох, действительно, первобытных имеются немногочисленные остатки—скелеты и части скелетов людей и их охотничьей добычи, следы употребления огня, каменные и костяные орудия, примитивная посуда, груды раковин, как отбросов потребления,—результаты раскопок. Научно установлена, в основных чертах, природная обстановка, среди которой жили наши первобытные предки—фауна, флора, климат. Материал для *прямых* выводов о формах связи между людьми в труде и распределении, очевидно, недостаточный.

Наиболее «первобытными» из племен живущих и недавно живших считаются: тасманийцы, вымершие полвека тому назад, веддахи, охотничье племя цейлонских лесов, карликовые племена Центральной и бушмены Южной Африки; жители острова Огненной Земля; затем австралийцы материковые, ново-гвинейские папуасы и некоторые другие островитяне, некоторые индийские племена центральных областей Южной Америки, и т. д. Большинство этнологов, признавая, что это не совсем первобытные представители человечества, фактически тем не менее переносят их черты, без строгого анализа пережитков и новообразований, на первобытных людей; лишь наиболее бросающиеся в глаза усложнения при этом отбрасываются, без какого-нибудь общего методического критерия, на основе интуитивного выбора и более или менее остроумных догадок.

Насколько такой путь ненадежен, легко судить хотя бы по следующим соображениям. Как раз наиболее «дикие» из упомянутых народцев, те, которых наименее критически отождествляют с «первобытными» людьми, представляют наибольшие основания для того, чтобы их считать упадочными, имевшими и утратившими более высокий культурный тип, от которого должны оставаться многочисленные запутывающие дело пережитки,

¹⁾ Развитие культуры, типически, увеличивает среднюю продолжительность жизни вообще и, в частности, продолжительность периода от рождения до половой зрелости.

Так, тасманийцы наблюдались, вначале, конечно, весьма бессистемно и не достаточно научно с современной точки зрения, в течение всего полувека, периода, за который они, при помощи всех благ европейской цивилизации, окончательно вымерли. Такое вымирание в жизни народа соответствует, приблизительно, умиранию отдельного организма от довольно скоротечной болезни: жизненные функции неизбежно сокращаются, жизненные связи разлагаются; хорош был бы физиолог, который черты такого умирания стал бы переносить на более ранние возрасты того же организма! Но есть серьезное указание на то, что тасманийцы успели до известной степени выродиться еще раньше того «благоприятного» воздействия, которое произвели на них европейцы. Уже в эпоху первых встреч с европейцами, число тасманийцев определялось в 6—7 тысяч человек; это на острове площадью около 65 тысяч квадратных километров, в климате, приблизительно, южной России, при отсутствии всяких опасных хищников, ядовитых змей и т. под. условий, ограничивающих извне рост населения. Ясно, что эта численность гораздо ниже того, что допускала бы территориальная емкость, как она ни мала при «бродяче-охотничьей» форме борьбы за существование: нормальная емкость в такой обстановке, примерно, 1 человек на 2—3 квадр. километра. Значит, за много тысячелетий своей оторванности от материка тасманийцы не размножились до нормального предела; гораздо вероятнее, что они уже опустились ниже этого предела.

Ведьхи острова Цейлона сейчас обычно относятся этнологами к образцам «первобытности». Однако Макс Мюллер, великий филолог-ориенталист, пришел к заключению, что их язык родственен с «арийскими», индо-германскими. Значит, это племя—либо сами выродившиеся «арийцы», либо, если антропологи признают это невозможным,—племя, некогда жившее в столь тесной связи с «арийцами», т. е., вероятно, индусами, что успели заимствовать их язык. Принять ли то или другое, о первобытности не может быть и речи, потому что индоевропейские племена проникли в Индостан, как известно, уже находясь на довольно высокой ступени культуры.

Далее, что касается бушменов и карликов Центральной Африки, то можно указать, напр., на то, что они вла-

деют не только столь сравнительно сложным оружием, как лук, но и умеют варить яды, чтобы отравлять свои стрелы: от первобытности до токсикологии расстояние не малое, и нынешний уровень этих племен вряд ли может быть высшей достигнутой ими ступенью.

Для австралийцев отмечается самая сложная в мире система родства, практически, если, может быть, и не вполне бессмысленная, то, конечно, в наибольшей доле при их нынешних формах жизни являющаяся излишней роскошью, явно пережиточная.

С точки зрения исторического материализма сопоставление нынешних дикарей с первобытным человечеством обязательно должно брать за исходный пункт формы техники; и тут дело опять оказывается сложнее, чем раньше думали.

Техника каменных орудий, судя по данным раскопок, прошла длинный путь развития. Между древнейшей фазой грубо обработанного, «оббитого» камня, которую, собственно, можно называть «палеолитом», и новейшей, фазой полированного камня, «неолитом», приходится установить по меньшей мере еще одну, весьма обширную, «мезолит», с орудиями из колотого, и затем тесаного камня. Наиболее отсталые дикари из ныне живущих относятся в этом смысле только к позднему мезолиту, что соответствует отнюдь не действительно первобытным раскопчным формам—шелльской, мустьерской, а значительно более поздней—приблизительно, магдаленской. Но и при таком сопоставлении нельзя забывать, насколько магдаленский человек был объективно моложе его новейших подобий, переживших, наверное, не один период подъема и упадка, которые должны были оставить неистребимые социальные следы.

В общем, с нынешними низшими дикарями дело обстоит так. Даже и противники идеи первобытного коммунизма не отрицают у них наличности значительной суммы коммунистических проявлений: общих трапез, делжки добычей и с теми членами группы, которые не участвовали в ее добывании, во многих случаях также общих жилищ и т. п. Наряду с этим отмечаются индивидуалистические моменты: разрозненное, в одиночку и маленькими группами, искание пищи и мелкая охота, с

таким же тогда, большей частью, разрозненным потреблением; чувство собственности, выступающее по отношению к одежде, орудиям труда, оружию, посуде, мелким текущим запасам и т. под. Эти моменты буржуазная наука, естественно, подчеркивает и выдвигает на первый план, как основные: для нее ведь индивидуализм есть изначальное свойство природы человека, а все, что с ним не согласуется, может быть лишь наслоением, более или менее непрочным. При этом коммунизму резко противопоставляются такие вещи, которые, в сущности, вовсе ему не противоречат: разрозненное искание и потребление каких-нибудь ягод, зерен, плодов, корней, улиток, личинок, которых в большинстве случаев было бы просто бессмысленно тащить в дежку, когда нет исключительной голодовки, и когда нет также особенно богатого скопления такой добычи в одном месте; чувство собственности на носимую одежду и привычное руке оружие, и т. п. Разве семейному коммунизму, напр., крестьянской семье противоречит хотя бы такой случай, когда ребятишки в лесу самостоятельно наедаются ягод и орехов, или тот факт, что каждый член семьи считает «своим» то платье, которое носит? Бессознательно создается и упорно применяется чудовищная умственная модель «коммунизма», в котором все непрерывно «социализируется» вопреки хотя бы элементарной технической целесообразности: нашли личинку — нести ее и делить на всю общину; носит человек рубашку — непременно снимать ее с него и надевать другим; изладил по своей руке дубину — отбирать ее в пользу всякого другого, и т. д.. Конечно, такого коммунизма не выдержал бы и самый первобытный человек. Это просто бессознательно (а иногда, может быть, и сознательно) полемическая концепция «абсолютного» коммунизма.

Характерна также игра словами «чувство собственности». То, что на деле ими выражается, есть не более как психо-физиологическое «срастание» организма с устойчиво-близкими к нему объектами: одежда, необходимое дополнение покровов тела, орудие, тысячи и тысячи раз сливавшееся в действии с его рукой, — это почти органы тела, они «принадлежат» ему, точнее, пожалуй, даже не «ему», а «к нему», как его кожа и рука. Но вместе с ним самим они «принадлежат» его коллективу. Сделать из

этого *право* собственности — факт социально-экономический и социально-идеологический, — священную частную собственность с правом пользования и злоупотребления, может только реальное распадение первичных связей коллектива.

На недавнем диспуте по поводу первобытного коммунизма¹⁾ один из его противников, проф. П. Ф. Преображенский высказал ту мысль, что самый спор идет в значительной мере о словах: факты имеют две стороны, одни из истолкователей «делают ударение» на индивидуалистической, другие — на коммунистической. Что слова тут играют роль, это как, мы только что видели, несомненно; однако вопрос много глубже простого «ударения». Он должен быть поставлен так: из сплетения элементов коммунистических с индивидуалистическими у существующих отсталых племен и народов какие считать остатками первобытного прошлого, какие — новообразованиями в ходе развития или деградации? И здесь исторический материализм дает вполне определенную руководящую линию исследования. Она такова: надо выяснить, какие из этих элементов соответствуют *экономической необходимости* первобытных условий жизненной борьбы человечества. Что несомненно, то тогдашней экономической необходимостью, то не может быть первобытным, какое бы «ударение» на нем ни делалось.

Но как установить эту экономическую необходимость? Она всецело определяется *материальными условиями* труда — борьбы; в данном случае именно природной обстановкой и первобытными средствами производства. А тут уже положение далеко не безнадежно: природная обстановка в общих чертах известна, и о первобытных орудиях есть немаловажные данные.

Мы знаем, что обстановка жизни наших первобытных предков, о каких имеются вообще сведения, была в некоторых, и очень существенных, отношениях гораздо более сурова, чем, напр., для каких-нибудь австралийцев. То была эпоха животных гигантов, как мамонт, и специально — *тиантских личинок*, как махеродус (кинжалозуб), пещерный лев, пещерный медведь, и т. под. Климат был разных от-

¹⁾ У студентов-свердловцев.

тенков умеренного, от субтропического до холодного. В общем, природа не отличалась ни крайним богатством нынешних тропиков, ни чрезмерной бедностью, — но при скудной, зародышевой технике и такая природа для человека объективно скупа.

Что же мог человек противопоставить этой суровой обстановке с ее грозными истребительными силами?

Ему был известен огонь, которого первоначально (в этом мнения сходятся) он сам добывать не умел, а только поддерживал и переносил с собою, пользуясь случаями, когда природа давала его готовым: молния, лесные пожары, вулканические явления. Впрочем, и позже, первые способы добывания огня так трудны, что прибегать часто к этой операции невозможно, и поддержание огня сохраняет огромное значение. Только огонь мог дать человеку защиту от хищников гигантов и стайных хищников, как, разумеется, и защиту от зимнего холода ледниковых периодов. Первоначально, потеря огня означала гибель всего маленького коллектива, который вокруг него группировался.

Уже тут отчетливо выступает непреложная необходимость тесного трудового сплочения группы, невозможность широко бродить по одиночке или надолго разбредаться маленькими группочками, как это безопасно могут делать, напр., нынешние австралийцы. Огонь — первичное орудие, выделившее человека из природы — в своем первобытном применении этого не допускает. Только коллектив достаточных размеров способен надежно и непрерывно поддерживать огонь при невозможности его возобновить в случае угасания; только коллектив может и успешно его использовать для защиты от грозных чудовищ и от долгого зимнего холода. И если кровная связь была биологической основой коллектива, то огонь был его технической спайкой.

Экономическая необходимость требовала, чтобы коллектив рос до наибольших размеров, возможных по условиям добывания жизненных средств. Ибо чем меньше он был, тем тяжелее давили его стихии вообще, и тем опаснее для него была слепая сила случайности. Только при достаточных размерах коллектив мог организовать успешную разведку отовсюду угрожающих опасностей, и при случае успешно вступить с ними в прямую борьбу. Умень-

шение численности и ослабление трудовой спайки равно обрекали его на уход с жизненной арены.

Но если коллектив вырастал до максимальных размеров, допускаемых площадью, доступной использованию при условии поддержания тесной трудовой связи (величина для тех времен, как полагают, порядка нескольких десятков человек), то распределение не могло быть сколько-нибудь систематически неравномерным, оно могло быть только «коммунистическим». Там, где нет устойчивых избытков, и где постоянно, напротив, угрожает возможность недостатка, там неравномерность означает истощение и гибель части рабочих сил коллектива. *Отсутствие прибавочного продукта исключает индивидуализм потребления.* А какой может быть прибавочный продукт там, где самые размеры группы определяются рамками возможности поддержания жизни? где всякий временный избыток ведет к размножению группы до размеров, которые устраняют его, если бы даже его не устраняла, обычно, гораздо раньше перемена естественной «конъюнктуры» внешних условий?

И конечно, нелепо было бы предполагать, что, вопреки всему этому, применение каменных орудий, порождая «чувство собственности», могло бы развивать все-таки «индивидуализм». Мы видели, как мало общего между «чувством» и «правом» собственности. Но отметим, что развитие этих орудий способно явиться как раз моментом, усиливающим коллективизм группы. Приготовление их из материала чрезвычайно несподручного, и в то же время своеобразно хрупкого, при необходимости сравнительно часто возобновлять их, требовало, очевидно, весьма большой затраты труда, значительной силы, особых навыков и опыта в выборе материала. Таким образом, не все члены группы могли заниматься этим производством, а только некоторые — но для всех; ибо необходимы эти орудия были, конечно, каждому работнику, даже женщинам и детям. Следовательно, работник, объективно, получал нужное орудие от коллектива, — хотя, без сомнения, отбирать его обратно без крайней нужды коллектив не мог, это было бы технически бессмысленно и вредно для всех: приспособление работника к данному орудью на этой ступени особенно важно.

На упомянутом выше диспуте один из участников сказал, что он принимает тесную кооперацию, трудовую сплоченность первобытной группы, но отсюда, по его мнению, еще не вытекает коммунистическое распределение. Точка зрения исторического материализма такой позиции не допускает. Формы распределения определяются формами производства; если первые иногда, как при капитализме, отставая от вторых в своем развитии, оказываются в противоречии с ними, то дело идет о неустойчивой, переходной формации; первобытная же, с ее огромным консерватизмом и длительностью, была наиболее «органического» из всех пережитых человечеством.

Тот же участник диспута говорил, что странно предполагать планомерную организацию равномерного распределения на такой низкой, недалекой еще от зоологии, ступени развития. Разумеется, странно: о планомерном расчете, детальном обсуждении, точных нормах не может быть и речи. Карточной системы никто там и не искал. Для маленькой, кровно спаянной и сплоченно живущей группы в несколько десятков человек это вовсе не требуется. Достаточно стихийной тенденции к выравниванию в насыщении, как и в недоедании: группа не может переносить того, чтобы одни голодали в то время, как другие излишествуют; и каждый член группы сам чувствует это. «Хозяйственный план» очень простой, не идеально-точный, но практически не допускающий сколько-нибудь опасных колебаний в ту или другую сторону.

Так метод исторического материализма, исключая субъективный подбор и оценку фактов, произвольные «ударения» на той или другой их стороне, дает руководящую линию в вопросе о первобытной экономике. Метод не создает и не изменяет фактов, но указывает путь их надежной и точной обработки.

Такова же его роль и в вопросе о первобытной идеологии. Тут факты еще беднее и неопределеннее. От подлинной первобытной идеологии не сохранилось и окаменелых остатков; а в идеологии «дикарской» пережиточные явления еще запутаннее, чем в дикарской экономике; ибо идеология еще в большей мере представляет сферу пережитков, своего рода идеальных «окаменелостей», но, к сожалению, не расположенных по геологическим пластам.

И потому тем строже надо держаться испытанного, тысячи раз себя оправдавшего метода.

Здесь положение отсталых дел, в общем, таково.

У наиболее отсталых племен и народов наблюдается, в большинстве случаев, анимизм и тотемически-религиозные представления. То и другое характеризуется на самых низших ступенях грубо-материалистической окраской: «души» людей — собственно, внутренние повторения их тела, разве лишь в уменьшенном масштабе, но со всеми «телесными», по нашим понятиям, свойствами; так же и «души» вещей соответствуют их «телам»; в тотемах равным образом нет ничего идеально-духовного; их «божественность», священный характер выражены слабо, так что на этих ступенях даже не ограждают тотемических животных и растений от употребления в пищу. Оттенок того, что мы понимаем под «духовностью», души получают только в дальнейшем развитии; аналогично возрастает и «божественность» тотемов, а затем и «богов» в более привычном для нас смысле.

Являются ли анимизм и первично-религиозные представления *изначальными* для человечества?

В науке существовали до сих пор большие сомнения по этому поводу. Были загадочные, неясные факты: показания многих наблюдателей относительно племен, чуждых всякой «религиозности», таких, напр., у которых в языке нет даже слов «бог» и «душа», или которые просто не понимали задаваемых путешественниками вопросов о загробной жизни¹⁾. Но странно, что некоторые из этих данных относятся к племенам, *не* самым отсталым по технике и экономике, вроде, напр., калифорнийских индейцев, некоторых полинезийцев, даже иных готтентотских и эскимосских народцев. С точки зрения исторического материализма трудно допустить в этих случаях такой полный упадок раньше существовавших представлений, чтобы от них не осталось и следов; гораздо вероятнее, что путешественники и миссионеры не могли их уловить вследствие большой *неопределенности и расплывчатости их форм* а также *малого их реального значения в наблюдаемой жизни*. Но если принять хотя бы такое объяснение, то *изначально-*

¹⁾ Джон Лэббок собрал десятки таких сообщений, и весьма компетентных, в своих книгах «Доисторические времена» и «Начала цивилизации».

ность анимизма и религии теряет твердую почву под собою. И в буржуазной науке, действительно, приобрела большой вес идея о некоторой до-анимистической и до-религиозной фазе; ее обозначают чаще всего, как «аниматизм», т.-е. представление о всеобщей «одушевленности» природы, но без дифференцированных «душ» в людях и других предметах. Ясно, что если мы не впадем в наивность— считать первобытного человека мечтательным философ-пантеистом, то эта «одушевленность» сводится просто ко всеобщей активности, к восприятию природы всецело как *мира действий*, т.-е. к тому, что Энгельс называл «первобытной диалектикой».

Теперь, какой путь решения указывает исторический материализм?

Прежде всего в доступных нам низших анимистических и религиозных представлениях надо раскрыть их *непосредственно-социальное содержание*, обнаружить зерно производственных отношений, какое в них может заключаться. Эту линию Маркс наметил еще в «Нищете философии»: «... Но те самые люди, которые формируют (gestalten) социальные отношения сообразно (gemäß) своему материальному способу производства, формируют также и свои принципы, идеи, категории (die Prinzipien, и т. д.) сообразно своим социальным отношениям» (нем. изд., стр. 91).

Дано материальное «тело» и дана его «душа», тоже материальная, водше ему подобная: два человека в неразрывной связи. Какая эта связь? Душа управляет телом, тело подчиняется ей. Определенная форма разделения труда: организаторско-исполнительская, та, которую я назвал «авторитарным сотрудничеством».

Теперь перед нами выбор:

или люди «сформировали» категорию души— тела тогда, когда у них уже существовало социально-производственное отношение авторитарного сотрудничества,— и сформировали «сообразно» этому отношению;

или они «сформировали» эту категорию раньше, чем у них возникло такое производственное отношение,— и значит, они потом его «сформировали» в трудовой практике «сообразно» этой, независимо от него выдуманной, категории.

Первое решение: исторический материализм.

Второе: исторический идеализм.

Далее, категория собственно-религиозная,— божество на одной стороне, люди и вещи— на другой. Божество *властно* над животными настолько, чтобы выгнать их навстречу охотникам; над людьми и их оружием настолько, чтобы не дать им промахнуться. Оно *организует* соотношения тех и других элементов в процессе охоты, рыбной ловли и пр. Если оно организовало все это в плохую комбинацию, значит, не хотело или поленилось,— надо его умолить; а может быть, и не сумело,— тогда это организатор плохой, но функция та же; может быть, следует его проучить, как всякого, плохо исполняющего свою функцию в коллективе; еще эта функция, значит, не поднялась на чрезмерную высоту,— но она от того в существе не меняется. Социально-производственное зерно категории все то же, дилемма та же, решения те же.

Мольба, поклонение, жертва (т.-е. дань или взятка), все эти элементы культа суть также обычные атрибуты авторитарного отношения между людьми. Религиозная эмоция, включающая преклонение и страх в разной пропорции, есть обычная социально-авторитарная эмоция— чувство *подчиненности*.

Загадки форм мышления разрешаются в формах трудовых отношений. Исторический материализм— надежный руководитель; и его руководство наиболее драгоценно, наиболее незаменимо на *темных* путях истории.

А. Богданов.